

Частные и государственные трансферты: замещение или дополнение?

Анна А. Миронова¹, Лидия А. Шеншина²

¹ НИУ ВШЭ, Москва, 109028, Россия

² Ernst & Young, Москва, 115035, Россия

Получено 2 November 2020 ♦ Принято в печать 18 March 2020 ♦ Опубликовано 30 June 2021

Цитирование: Mironova AA, Shenshina LA (2021) Private and public transfers: substitute or complement? Population and Economics 5(2): 1–15. <https://doi.org/10.3897/popcon.5.e60293>

Аннотация

В статье анализируется связь между частными и государственными социальными трансфертами в России. Исследование основано на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за период с 1994 по 2018 г. Анализ проводился на домохозяйственном уровне с использованием логистической регрессии. Исследование показало, что получение государственных социальных трансфертов снижает вероятность получения частных трансфертов в том же домохозяйстве. Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют в пользу гипотезы о выталкивании («crowding-out») частных материальных трансфертов государственными в России.

Ключевые слова

домохозяйства, доходы домохозяйств, социальная политика, социальные трансферты, частные трансферты

Коды JEL: D1, D6, D14

Введение

Частные трансферты часто выполняют функцию компенсации недостатков системы государственных (социальных) трансфертов, в частности в периоды сложных социально-экономических условий и реформ [Овчарова, Прокофьева, 2000]. Реформы, направленные на оптимизацию и развитие системы социального обеспечения, не всегда способствуют своевременной и эффективной помощи нуждающимся гражданам.

Для стран, где система социального обеспечения развита слабо, характерен высокий уровень неформальных обменов между родственниками, друзьями, соседями. Частные трансферты являются важнейшим компонентом расходов и доходов практически во всех развивающихся

ся странах [Rempel, Lobdell, 1978; Cox, Jimenez, 1990; Maitra, Ray, 2003]. При этом большинство родственными межпоколенными потоками направлено от детей к родителям. В то же время в тех странах, где система социального обеспечения развита хорошо, частные трансферты, как правило, имеют несколько меньшие масштабы и преимущественно другое направление. Например, в США трансферты от младших к старшим незначительны, основной поток трансфертов направлен в пользу младших поколений [Cox, Rank, 1992; Niimi, Horioka, 2018].

С точки зрения модернизационного подхода, нуклеаризация семьи и появление государственной системы социального обеспечения рассматриваются как параллельные и взаимосодействующие процессы. Основная идея этого подхода состоит в том, что по мере развития государства всеобщего благосостояния социальные трансферты вытесняют частные. Данная гипотеза находила подтверждение в исследованиях некоторых экономистов [Reil-Held, 2006]. Однако социологические исследования свидетельствуют, что государственные трансферты далеки от того, чтобы вытеснить частные обмены. Влияние государственных трансфертов на частные сводится к тому, что частные трансферты, приспосабливаясь к новым условиям, обретают иную модификацию, при этом не теряя своей значимости [Kohli, 1999; Künemund, Rein, 1999; Albertini, Kohli, 2012]. По мере развития государства всеобщего благосостояния материальные обмены все больше заменяются обменами различными услугами, в том числе эмоциональной поддержкой. Таким образом, развитие системы государственного обеспечения скорее создает условия для развития межсемейной солидарности, а не вытесняет ее.

Данное исследование ставит своей задачей проанализировать, как связаны между собой частные и государственные (социальные) трансферты в России. Можно ли сказать, что государственные трансферты вытесняют частные?

Исследование взаимосвязи частных и государственных трансфертов помогает прояснить некоторые ключевые вопросы планирования социальной политики, например: кто является реальным бенефициантом социальных выплат и можно ли говорить о том, что государственные трансферты вытесняют традиционную родственную поддержку?

Анализ характера взаимосвязи частных и государственных трансфертов позволит косвенно судить об эффективности реализации мер социальной поддержки нуждающихся категорий получателей. В контексте дискуссий о необходимости реформирования системы мер государственной социальной поддержки результаты подобного анализа могут быть использованы в качестве основы для изменения отдельных мер.

Исследованию частных трансфертов в России стало уделяться особое внимание в сложный период социально-экономических трансформаций, то есть в конце 1990-х — начале 2000-х гг., когда неформальная поддержка родственников и друзей являлась важнейшим способом выживания для российских домохозяйств. Общей чертой отечественных исследований того времени является то, что частные трансферты рассматривались в первую очередь как механизм преодоления бедности [Римашевская, 1997; Овчарова, Прокофьева, 2000; Денисенко, 2001]. Позднее в российском исследовательском поле появились работы, анализирующие социальную сущность феномена частных трансфертов с точки зрения различных социологических теорий, например теории сетевого анализа [Градосельская, 1999], теории реципрокности [Барсукова, 2005]. В качестве отдельного направления в рамках отечественных исследований частных трансфертов можно выделить работы, посвященные частным трансфертам в сельской местности [Фадеева, 1999; Лылова, 2002; Штейнберг, 2003].

В последние годы появились экономико-демографические исследования частных трансфертов на основе методологии глобального проекта ООН «Национальные трансфертные счета». Так, И.Е. Калабихина и Ж.К. Шайкенова [Калабихина, Шайкенова, 2018] оценили распределение трансфертов времени внутри домохозяйств. Было показано, что производство благ и

услуг внутри домашних хозяйств выступает существенным компонентом экономики страны и составляет, по разным оценкам, от 3,9% до 21,0% годового ВВП. Были выявлены гендерные различия в производстве временных трансфертов членами домохозяйств. Оказалось, что в среднем женщины за сутки производят практически на три часа больше временных трансфертов, чем мужчины. В другом исследовании частные трансферты рассматривались как компонент национальных трансфертных счетов в контексте теории жизненного цикла [Денисенко, Козлов, 2018]. Было установлено, что специфика межпоколенных трансфертных потоков обусловлена особенностями жизненного цикла людей. С этой точки зрения главной функцией межпоколенных трансфертов является финансирование дефицита жизненного цикла, возникающего в результате того, что в некоторые периоды жизни человека его материальные потребности и возможности их удовлетворения за счет трудовой деятельности не совпадают. Обнаружено, что для России «бездефицитный период жизни» человека начинается в 23 года и продолжается до 56 лет.

В то же время связь частных и государственных социальных трансфертов, изучению которой посвящено множество работ за рубежом, в России остается малоисследованной.

Связь частных и государственных трансфертов

Ряд исследований утверждает, что потоки частных трансфертов, основным компонентом которых выступают частные межпоколенные трансферты, определяются характером государства всеобщего благосостояния [Attias-Donfut et al., 2005; Albertini et al., 2007; Björnberg, Latta, 2007; Brandt, Deindl, 2013]. В то же время речь не идет о наличии простой связи между частными и государственными трансфертами, например: чем больше социальной поддержки предоставляется государством, тем меньше оказывается поток частных трансфертов. Картина выглядит значительно сложнее. Государственные институты определяют нормы, обязательства и ожидания участников частных межпоколенных обменов. Согласно модели Бенгтсона и Силверстейна [Silverstein, Bengtson, 1997], межпоколенные отношения представляют собой сложную и многогранную систему, включающую такие взаимосвязанные между собой изменения, как эмоциональная близость, функциональная взаимопомощь, общие духовные ценности. Государство, обеспечивая базовую материальную поддержку и поддержку в виде услуг, предоставляет возможность более интенсивно развиваться другим компонентам межпоколенных отношений [Brandt et al., 2009].

Некоторые исследования показывают, что традиционная социальная политика ослабляет ответственность семьи и друзей по обеспечению финансовой поддержкой за счет того, что у реципиента помощи сокращается потребность в такого рода поддержке [Emery, 2016]. Например, было показано, что в странах, где образование стоит дорого, а социальные гарантии для молодежи очень ограничены, молодые люди с большей вероятностью получают финансовую поддержку от родителей [Villanueva, 2005]. Также было установлено, что увеличение пенсионного дохода родителей приводит к постепенному сокращению частных материальных трансфертов от детей ввиду значительного вклада государственных пенсионных отчислений в снижение бедности домохозяйств пожилых людей [Jensen, 2004]. Анализ по данным Германии продемонстрировал, что чем выше доход пожилых людей от государственных выплат, тем реже они получают частные трансферты и чаще сами выступают в роли доноров [Reil-Held, 2006]. Другие исследования показали, что в тех странах, где государство играет активную роль в поддержке своих граждан (например, в Скандинавских странах), финансовая поддержка со стороны семьи имеет ограниченный характер. И напротив, в странах Южной Европы, где го-

сударство предоставляет меньше социальных гарантий, финансовая помощь со стороны семьи более существенна [Attias-Donfut et al., 2005; Albertini, Kohli, 2012]. В то же время речь не идет о том, что в Скандинавских странах семейные связи менее сильны. В связи с тем, что для Скандинавии характерен высокий уровень социальной поддержки, обмена внутри семьи приобретают ту форму, которая наиболее комфортна и желательна для участников обмена [Brandt, Deindl, 2013].

В современных исследованиях частные трансферты рассматриваются как элемент системы социальных взаимосвязей, где также присутствуют и государственные социальные трансферты [Szydlik, 2008]. Культурные, экономические, социальные и политические институты могут влиять на частные обмены на уровне семьи, например, сокращая финансовые потребности индивида за счет различных пособий, или влиять на ожидания и социальные нормы.

Так, например, расширение государственной поддержки одной категории населения может усиливать поток частных трансфертов в пользу совершенно другой категории. Исследование, основанное на данных по Германии, обнаружило тесную связь между получением государственных трансфертов пожилыми и объемом частной финансовой помощи молодому поколению [Reil-Held, 2006]. Часть государственных трансфертов в пользу пожилых людей через систему частных межпоколенных трансфертов направляется младшим поколениям, что ставит в зависимость объемы частных трансфертов от государственных [Kohli, 1999]. Государственные трансферты позволяют пожилым людям оказывать финансовую помощь своим детям, получая взамен нематериальную помощь и внимание. Исследование по 13 европейским странам показало, что перераспределение приоритетов государственной поддержки в пользу старшего поколения (например, повышение пенсионных выплат или сокращение пособий на детей), выражающееся в относительном ухудшении положения трудоспособного населения по сравнению с пенсионерами, ведет к росту потоков частных трансфертов в семье от старшего поколения к младшему [Mudrazija, 2016]. Другими словами, за счет внутрисемейного обмена происходит перераспределительный процесс, в результате которого некоторая часть пенсионных поступлений, финансируемая трудоспособным населением, в виде частных трансфертов от пожилых людей возвращается молодому поколению. В этом случае частная финансовая помощь от пожилого поколения является обратным потоком государственных трансфертов, что можно расценивать как неэффективность распределения потоков государственных ресурсов [Reil-Held, 2006].

Несмотря на похожесть функций, выполняемых частными и государственными трансфертами, обращают на себя внимание и различия. Одно из них состоит в том, что частные трансферты, в отличие от государственных, как правило, носят свободный характер. Государственные трансферты зачастую основаны на формальной оценке критериев нуждаемости реципиентов помощи, однако из-за несовершенства информации перераспределение может быть неэффективным. В свою очередь частные трансферты, как правило, основываются на более достоверной информации относительно реальных нужд получателя помощи [Cordes, Goldfarb, Watson, 1986].

Методика исследования

В данном исследовании под частными трансфертами будут пониматься материальные ресурсы, полученные безвозмездно от родственников кого-либо из членов домохозяйства. В числе государственных социальных трансфертов рассматриваются следующие выплаты: пенсии, пособия по безработице, пособия на детей. Если домохозяйство получало хотя бы одну из перечисленных государственных выплат, значит, оно получало социальные трансферты.

Исследование основано на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ) — негосударственного мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации, реализуемого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ имеют существенное преимущество с точки зрения цели данного исследования, так как содержат информацию о получении домохозяйством частных трансфертов в разрезе источников помощи, а также о получении различных государственных трансфертов за период с 1994 по 2018 гг. для более чем трех тысяч домохозяйств в каждой из волн опроса. Это позволяет оценивать характер взаимосвязи частных и государственных трансфертов в России. В то же время имеются и некоторые ограничения. Так, данные о получении пенсий не представлены в разрезе их видов. Что касается пособий на детей, то в базе данных эти выплаты только с 2000 г. разделены на пособия на детей в возрасте до 1,5 лет и пособия на детей в возрасте от 1,5 до 16 лет. В анализе использована переменная, отражающая факт получения членами домохозяйства пенсий, а также переменная, отражающая факт получения любого из двух пособий на детей, упомянутых выше.

Для реализации задач исследования были выбраны отдельные годы наблюдений с шагом примерно в пять лет: 1994, 2000, 2005, 2010, 2015 и 2018 гг. В 1999 г. обследование не проводилось, поэтому были использованы данные за следующий, 2000 г.; последним годом в выборке стал 2018 — это последние доступные на момент проведения исследования данные РМЭЗ НИУ ВШЭ. Анализ проводился на уровне домохозяйств с использованием логистической регрессии.

В качестве зависимой переменной выступает вероятность получения домохозяйством частных трансфертов. Зависимая переменная принимает значение «1», если домохозяйство получало материальную помощь от родственников, и значение «0», если такой помощи не было. В число независимых включены следующие переменные:

1. тип населенного пункта (город/село);
2. наличие у домохозяйства долгов;
3. наличие в составе домохозяйства детей младше 7 лет;
4. наличие в составе домохозяйства детей от 7 до 18 лет;
5. душевой доход в домохозяйстве ниже регионального прожиточного минимума (ПМ);
6. наличие у домохозяйства сбережений;
7. факт получения домохозяйством государственных социальных трансфертов.

Все анализируемые переменные являются дихотомическими.

Результаты исследования

По полученным оценкам, доля домохозяйств, получающих помощь от родственников, выросла за период с 1994 по 2005 гг. с 18,9% до 24,1%, однако затем снизилась — до 20,1% в 2010 г. (табл. 1). Это может объясняться как снижением интенсивности частных обменов между домохозяйствами вследствие экономического кризиса 2008 г., так и увеличением числа мер государственной социальной поддержки населения. В 2015 г. этот показатель вырос до 22,8%, а затем незначительно снизился в 2018 г. Государственные социальные трансферты получали 70,7% домохозяйств в 1994 г., в 2000 г. показатель резко снизился — до 64,5%, а в 2005 г. — вернулся к значению 1994 г. (70,8%). К 2010 г. значение показателя незначительно снизилось (до 68,2%), затем он вырос до 71,5% в 2015 г. и снова снизился к 2018 г. — до 66,4%.

Таблица 1. Распределение домохозяйств в выборке по выделенным характеристикам, %

Характеристика домохозяйства	1994		2000		2005		2010		2015		2018	
	Да	Нет										
Проживание в городе	70,1	29,9	66,9	33,1	67,6	32,4	68,7	31,3	69,2	30,8	69,1	30,9
Домохозяйство брало деньги в долг	19,7	80,3	26,8	73,2	20,2	79,8	26,9	73,1	14,2	85,8	13,8	86,2
Есть дети до 7 лет	21,2	78,8	13,7	86,3	13,2	86,8	18,2	81,8	16,5	83,5	13,7	86,3
Есть дети от 7 до 18 лет	34,9	65,1	35,0	65,0	29,1	70,9	25,0	75,0	24,5	75,5	23,5	76,5
Доход домохозяйства ниже регионального ПМ	27,9	72,1	67,0	33,0	39,5	60,5	17,6	82,4	16,9	83,1	12,8	87,2
Наличие сбережений	11,3	88,7	11	89	12,7	87,3	17,2	82,8	15,8	84,2	15	85
Домохозяйство получало частные трансферты	18,9	81,1	22,1	77,9	24,1	75,9	20,1	79,9	22,8	77,2	22,2	77,8
Домохозяйство получало государственные трансферты	70,7	29,3	64,5	35,5	70,8	29,2	68,2	31,8	71,5	28,5	66,4	33,6

Источник: расчеты авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Более половины респондентов, попавших в выборку, проживают в городе; за весь рассматриваемый период существенных изменений данного показателя не наблюдалось. Можно только отметить незначительное уменьшение показателя с 70,1% в 1994 г. до 69,1% в 2018 г., что может быть связано с увеличением выборки обследования.

Доля домохозяйств, бравших деньги в долг, в течение периода меняется в связи с экономическими изменениями: наблюдается рост доли домохозяйств, имеющих долги, в послекризисные годы. Так, полученные оценки показывают увеличение показателя с 19,7% в 1994 г. до 26,9% в 2000 г. и с 20,2% в 2005 г. до 26,9% в 2010 г. — после кризисных 1998 и 2008 гг. соответственно. В последующие годы наблюдается снижение показателя до 14,2% и 13,8% в 2015 и 2018 гг. соответственно.

Доля домохозяйств, имеющих в своем составе детей до 7 лет, снижается на протяжении рассматриваемого периода: если в 1994 г. она достигала 21,2%, то в 2000 г. — уже 13,7%. В следующие годы наблюдаются незначительные колебания: в 2010 г. значение показателя выросло до 18,2% по сравнению с 13,2% в 2005 г., затем снова снизилось до 16,5% в 2015 г. и до 13,7% — в 2018 г. Доля домохозяйств, имеющих в своем составе детей от 7 до 18 лет, также снижается после 2000 г. — с 35% в 2000 г. до 23,5% в 2018 г.

Доля домохозяйств, имеющих сбережения, незначительно растет в течение рассматриваемого периода: с 11,3% в 1994 г. до 17,2% в 2010 г. К 2018 г. этот показатель снизился до 15%.

Анализ социально-демографических характеристик выявил существенные различия между получателями частных и государственных социальных трансфертов (табл. 2). В течение рассматриваемого периода доля получателей государственных социальных трансфертов в сельской местности несколько выше, чем получателей частных трансфертов. Среди получателей частных трансфертов больше тех, кто брал деньги в долг, по сравнению с получателями государственных социальных трансфертов. Доля домохозяйств с детьми (как в возрасте до 7 лет, так и в возрасте

от 7 до 18 лет) значительно выше среди реципиентов частных трансфертов по сравнению с реципиентами государственных трансфертов на протяжении всего рассматриваемого периода. До 2010 г. среди получателей государственных социальных трансфертов значительно чаще встречались бедные домохозяйства (с доходом ниже регионального ПМ); начиная с 2010 г., напротив, бедные домохозяйства стали чаще встречаться среди получателей частных трансфертов. Относительно сбережений можно отметить обратную картину: до 2010 г. доля домохозяйств, имеющих сбережения, была больше среди реципиентов частных трансфертов, а с 2010 г. — наоборот.

Результаты регрессионного анализа показали, что из года в год значимыми оказываются не все факторы, включенные в модель (табл. 3). Однако можно отметить, что практически все независимые переменные, за исключением наличия у домохозяйства долгов, являются значимыми хотя бы для одного выбранного для анализа года. Такие переменные, как наличие детей от 7 до 18 лет, доход домохозяйства ниже регионального ПМ, а также наличие у домохозяйства сбережений, являются значимыми только в одном из выбранных периодов.

Таблица 2. Социально-демографические характеристики домохозяйств – получателей частных и государственных трансфертов, %

Год	1994		2000		2005		2010		2015		2018	
	ЧТ	ГТ										
Тип населенного пункта												
город	73,8	67,8	70,6	65,4	70,4	65,3	73,0	66,5	72,3	67,6	77,8	68,4
село	26,2	32,2	29,4	34,6	29,6	34,7	27,0	33,5	27,7	32,4	22,2	31,6
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Домохозяйство брало деньги в долг												
да	25,5	17,3	33,1	22,4	26,7	17,4	26,7	19,8	7,8	5,1	16,8	11,5
нет	74,5	82,7	66,9	77,6	73,3	82,6	73,3	80,2	92,2	94,9	83,2	88,5
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Есть дети до 7 лет												
да	34,3	21,0	17,6	11,8	17,0	13,1	26,7	18,7	26,1	14,9	19,9	9,7
нет	65,7	79,0	82,4	88,2	83,0	86,9	73,3	81,3	73,9	85,1	80,1	90,3
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Есть дети от 7 до 18 лет												
да	41,3	34,3	36,8	28,1	30,3	27,1	28,8	22,9	29,3	20,3	28,3	14,9
нет	58,7	65,7	63,2	71,9	69,7	72,9	71,2	77,1	70,7	79,7	71,7	85,1
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Доход домохозяйства ниже регионального ПМ												
да	24,7	27,7	63,3	72,4	39,2	44,1	20,8	17,8	18,7	16,6	14,3	9,4
нет	75,3	72,3	36,7	27,6	60,8	55,9	79,2	82,2	81,3	83,4	85,7	90,6
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Наличие сбережений												
да	12,8	11,8	14,0	11,2	13,9	12,9	17,4	18,6	14,0	17,7	13,2	17,1
нет	87,2	88,2	86,0	88,8	86,1	87,1	82,6	81,4	86,0	82,3	86,8	82,9
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечания: ЧТ — частные трансферты, ГТ — государственные социальные трансферты. Все межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$.

Источник: расчеты авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

С точки зрения цели исследования, наибольший интерес представляет характер взаимосвязи между частными и государственными трансфертами при условии контроля других включенных в анализ переменных. Согласно приведенным в табл. 3 данным, получение домохозяйством государственных социальных трансфертов значимо для каждого выбранного для анализа года, и оно снижает вероятность получения им частных трансфертов. Отрицательно на вероятность получения домохозяйством частных трансфертов влияют также такие факторы, как проживание в городе (во все периоды, кроме 1994 г.), наличие в составе домохозяйства детей от 7 до 18 лет и наличие сбережений (последние два — только в модели за 2018 г.). Отдельно необходимо отметить отрицательную связь дохода ниже прожиточного минимума с вероятностью получения частных трансфертов, этот фактор является значимым только в 2000 г. Данный результат можно частично объяснить послекризисным положением домохозяйств, при котором существенная часть доходов была получена за счет неформальной занятости и, соответственно, не раскрывалась при опросах, а также отсутствием у близкого окружения возможности оказать помощь ввиду низкого материального достатка. Также одной из возможных причин для такого результата может служить тот факт, что в случае кризисных периодов, а также при появлении детей и падении доходов домохозяйства, состоящие из членов одной семьи, склонны объединяться. Это является распространенным явлением среди малообеспеченных семей с детьми [Pilkauskas, Garfinkel, 2016]. Положительно на вероятность получения частных трансфертов влияет наличие в домохозяйстве детей до 7 лет.

Анализ предельных эффектов показывает, что наибольший вклад в снижение вероятности получения частных трансфертов, кроме константы, вносит фактор получения социальных трансфертов (1994, 2000, 2015, 2018 гг.), а также фактор проживания в городе (2005 и 2010 гг.). Наибольшее значение предельного эффекта фактора получения социальных трансфертов характерно для 2018 г., для фактора проживания в городе — для 2000 г.

Для того чтобы выявить различия во влиянии рассматриваемых факторов на вероятность получения каждого из видов помощи (государственных и частных трансфертов), авторы дополнительно проанализировали модель факторов получения государственных трансфертов (табл. 4).

Отрицательно на вероятность получения домохозяйством государственных социальных трансфертов влияет такой фактор, как проживание в городе (во все периоды, кроме 2000 г.). Также отрицательно влияет наличие у домохозяйства долгов (во все периоды, кроме 2015 г.). Это может быть связано с тем, что растущая долговая нагрузка вызвана отсутствием или недостаточностью получаемых социальных трансфертов, что может приводить к росту спроса на частные трансферты. Наличие сбережений, напротив, положительно влияет на вероятность получения социальных трансфертов (2010, 2015 и 2018 гг.). Данный результат частично может объясняться тем, что домохозяйства — получатели социальных трансфертов не совершают покупки, требующие получения кредита или ипотеки, но в то же время имеют сбережения «на черный день» [Каравай, Тихонов, 2015]. С другой стороны, не исключено, что домашние хозяйства имеют возможность сберегать как раз благодаря тому, что являются получателями регулярных социальных трансфертов. Доход ниже регионального прожиточного минимума увеличивает вероятность получения социальных трансфертов в 1994 и 2005 гг., в то время как в 2018 г. наблюдается отрицательная связь. Это частично может объясняться реформированием системы государственных социальных трансфертов, снижением уровня бедности, а также введением социальных доплат пенсионерам до уровня регионального прожиточного минимума. Наличие детей положительно влияет на вероятность получения социальных трансфертов в 1994 г., однако в 2000 и 2018 гг. данный фактор влияет отрицательно. Это частично может объясняться тем, что определяющим компонентом социальных трансфертов в рамках используемой методики стали пенсионные выплаты.

Таблица 3. Результаты логистического регрессионного анализа факторов получения частных трансфертов

Факторы	1994		2000		2005		2010		2015		2018	
	Оценка коэфф.	Ст.о.										
Проживание в городе	-0,39	0,05	-1,17***	0,15	-0,89**	0,1	-0,7**	0,08	-0,81***	0,09	-0,68***	0,11
Домохозяйство брало деньги в долг	-0,04	0,01	-0,21	0,03	0,01	0,01	0,16	0,02	0,07	0,01	-0,9	0,15
Есть дети до 7 лет	0,89***	0,11	0,61*	0,08	0,1	0,01	0,21	0,02	0,69**	0,08	0,42*	0,07
Есть дети от 7 до 18 лет	0,23	0,03	0,3	0,04	0,01	0,01	0,09	0,01	0,3	0,03	-0,43**	0,07
Доход домохозяйства ниже регионального ПМ	-0,07	0,01	-0,59**	0,08	0,17	0,02	0,31	0,03	0,14	0,02	0,27	0,04
Наличие сбережений	-0,01	0,01	-0,15	0,02	-0,15	0,02	-0,15	0,02	-0,22	0,02	-0,38**	0,06
Домохозяйство получало государственные социальные трансферты	-0,86***	0,11	-1,37***	0,17	-0,47*	0,05	-0,68***	0,07	-1,18***	0,13	-1,44***	0,23
Константа	2,30***	0,85	3,81***	0,83	2,84***	0,87	2,82***	0,88	3,14***	0,86	2,94***	0,78
R ²	0,04		0,10		0,03		0,01		0,07		0,08	
N	880		872		872		1498		1286		1361	

Примечания: *** — статистическая значимость коэффициентов на уровне $p < 0,001$, ** — $p < 0,01$, * — $p < 0,05$. Модель значима на уровне $p < 0,001$.

Источник: оценено авторами на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

Таблица 4. Результаты логистического регрессионного анализа факторов получения государственных социальных трансфертов

Факторы	1994		2000		2005		2010		2015		2018	
	Оценка коэфф.	Ст.о.										
Проживание в городе	-0,41*	0,09	-0,16	0,04	-0,42**	0,09	-0,71***	0,16	-0,52***	0,11	-0,74***	0,14
Домохозяйство брало деньги в долг	-0,36*	0,08	-0,53**	0,12	-0,54**	0,11	-0,61***	0,14	0,12	0,02	-0,57*	0,11
Есть дети до 7 лет	0,38*	0,08	-0,4*	0,09	-0,15	0,03	0,4**	0,09	0,04	0,01	-0,41**	0,08
Есть дети от 7 до 18 лет	0,44**	0,1	-0,62***	0,14	-0,13	0,03	-0,05	0,01	-0,51***	0,11	-1,03***	0,2
Доход домохозяйства ниже регионального ПМ	0,42**	0,09	0,23	0,05	0,49**	0,1	-0,03	0,01	-0,07	0,01	-0,96***	0,19
Наличие сбережений	0,42	0,09	0,11	0,02	0,15	0,03	0,46**	0,1	0,57**	0,12	0,53***	0,1
Домохозяйство получало частные трансферты	-0,85***	0,16	-1,39***	0,3	-0,46*	0,1	-0,68***	0,15	-1,19***	0,25	-1,42***	0,28
Константа	1,14***	0,64	1,98***	0,59	1,47***	0,67	1,59***	0,61	2,18***	0,66	2,74***	0,62
R ²	0,05		0,08		0,03		0,04		0,05		0,14	
N	881		872		872		1498		1286		1361	

Примечания: *** — статистическая значимость коэффициентов на уровне $p < 0,001$, ** — $p < 0,01$, * — $p < 0,05$. Модель значима на уровне $p < 0,001$.

Источник: оценено авторами на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

Связь между частными и государственными трансфертами, как и ожидалось, имеет отрицательный характер. Наибольший вклад из учтенных в модели факторов в изменение вероятности получать социальные трансферты, кроме константы, вносит получение домохозяйством частных трансфертов. Данный результат можно объяснить заявительным принципом получения детских пособий, пособий по безработице, а также пенсий по инвалидности отдельных категорий и других выплат, при котором для их назначения необходимо обратиться в соответствующую службу с комплектом документов. Также необходимо отметить, что полученные результаты имеют свои ограничения в связи с тем, какие компоненты были учтены в составе социальных трансфертов.

В ходе сравнительного анализа факторов, влияющих на получение частных и государственных социальных трансфертов, были обнаружены следующие различия: наличие у домохозяйства долгов отрицательно влияет на вероятность получения социальных трансфертов (кроме 2015 г.), в то время как для получения частных трансфертов этот фактор не является значимым. Получение домохозяйством дохода ниже регионального прожиточного минимума отрицательно влияет на вероятность получения частных трансфертов в 2000 г., в то время как в модели получения социальных трансфертов данный фактор не значим в 2000 г., но демонстрирует положительное влияние в 1994 и 2005 гг. и отрицательное — в 2018 г. Наличие сбережений положительно влияет на вероятность получения социальных трансфертов (2010, 2015 и 2018 гг.) и отрицательно — на вероятность получения частных трансфертов в 2018 г.; для остальных периодов данный фактор является незначимым. Наличие детей до 7 лет имеет разнонаправленное влияние на вероятность получения трансфертов в 2000 и 2018 гг.: положительное для частных трансфертов и отрицательное для социальных.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования показали, что получение государственных социальных трансфертов снижает вероятность получения частных трансфертов домохозяйством. Таким образом, результаты проведенного анализа по данным России свидетельствуют в пользу гипотезы о вытеснении («crowding-out») частных материальных трансфертов государственными. Ввиду этого можно рассматривать государственные трансферты как субститут частных трансфертов.

Однако здесь важно отметить, что в поле зрения данного исследования входили только материальные трансферты, в то время как инструментальные трансферты (помощь в виде различных услуг) не рассматривались. Специфика благ, передаваемых в процессе трансфертного обмена, состоит в том, что они, с одной стороны, могут выступать субститутами государственных трансфертов или рыночных благ, а с другой — имеют уникальную природу. Например, услугам, таким как уход за детьми или займы между поколениями, можно легко найти субститут в виде той или иной формы государственной поддержки или рыночных услуг. Однако внутрисемейный обмен обладает уникальной спецификой: внутрисемейная помощь, как правило, не предполагает строго определенных критериев, на основании которых она будет осуществляться (например, критериев адресности или нуждаемости). Кроме того, предметом внутрисемейного обмена часто выступают уникальные блага, которые не имеют явных рыночных субститутов: любовь, забота, привязанность [Laferrere, Wolff, 2006].

В то же время необходимо принимать во внимание тот факт, что вероятности получения частных и государственных трансфертов в определенной степени неизбежно взаимосвязаны между собой [Emery, 2016]. Так, например, те, у кого есть состоятельные родственники (на-

пример, родители), имеют меньше шансов попасть в категорию получателей государственных социальных трансфертов, значительная часть которых в России основана на критериях адресности и нуждаемости.

Кроме этого, обращает на себя внимание тот факт, что характер взаимосвязи между частными и государственными социальными трансфертами во многом обусловлен типом проводимой социальной политики [Emery, 2016]. Можно условно выделить два основных типа социальной политики: пассивную и активную. Пассивная социальная политика, которая является более традиционной и распространенной, в качестве одной из главных своих целей имеет страхование от различного рода рисков: безработицы, бедности, наступления старости, инвалидности и т.д. В рамках политики данного типа государство выступает гарантом минимального уровня жизни и дохода. Концепция государства всеобщего благосостояния подобного рода сформировалась достаточно давно в условиях экономики промышленного производства. Вопрос о том, насколько пассивная система государственной поддержки является адекватной по отношению к современным реалиям, сейчас активно обсуждается в исследовательском поле [там же]. Активная социальная политика в качестве приоритета имеет инвестиции в социальный капитал (в том числе инвестиции в образование и профессиональную переподготовку, пропаганду активного долголетия и пр.) и стремится скорее предупредить возможные провалы, чем компенсировать их [Morel et al., 2012].

Активный и пассивный подходы к социальной политике формируют различные социальные стереотипы в отношении оказания помощи родственникам и друзьям. В условиях пассивной социальной политики усиление финансовой поддержки со стороны государства ведет к снижению финансовой поддержки со стороны родственников и друзей. В этой системе частные и социальные трансферты выступают в роли субституттов. В рамках активной социальной политики, если кто-то получает социальные трансферты, это выступает для его окружения сигналом о том, что этот человек нуждается в поддержке. Соответственно, государственные трансферты служат катализатором частных, и они комплиментарны друг другу. В то же время очевидно, что деление систем социальной политики на пассивные и активные является очень условным, и на практике однозначно отнести ту или иную систему социальной поддержки к пассивной или активной может быть трудно. Несмотря на это, попытка учесть тип социальной политики при анализе взаимосвязи между частными и социальными трансфертами в дальнейших исследованиях даст возможность более глубоко изучить природу этой взаимосвязи.

Выводы

По результатам исследования была обнаружена отрицательная связь между частными и государственными социальными трансфертами в России. Это позволяет рассматривать частные и государственные трансферты в качестве субституттов и говорить о том, что частные трансферты восполняют «провалы» государственной системы поддержки населения.

Социально-демографические портреты получателей государственных и частных трансфертов различаются. В течение рассматриваемого периода доля получателей государственных социальных трансфертов, проживающих в сельской местности, оказывается немного выше, чем получателей частных трансфертов, проживающих в сельской местности. Среди получателей частных трансфертов больше домохозяйств-заемщиков. Доля домохозяйств с детьми значительно выше среди реципиентов частных трансфертов по сравнению с реципиентами государственных социальных трансфертов.

Сравнительный анализ факторов, влияющих на получение частных и государственных социальных трансфертов, позволил выявить следующие различия: наличие сбережений положительно влияет на вероятность получения государственных трансфертов (2010, 2015 и 2018 гг.), в то время как для получения частных трансфертов этот фактор является значимым только в 2018 г., и связь отрицательная. Различные направления влияния наличия в домохозяйстве детей в возрасте до 7 лет и от 7 до 18 лет на получение частных и государственных трансфертов могут объясняться тем, что на разных этапах жизни ребенка потоки частной помощи меняются [Pilkauskas, Garfinkel, 2016]. Низкий уровень доходов домохозяйства положительно связан с получением социальных трансфертов в 1994 и 2005 гг., в то время как в 2018 г. наблюдается отрицательная связь. Кроме того, принадлежность домохозяйства к низкодоходной группе отрицательно связана с получением частных трансфертов в 2000 г.

Ограничения исследования

При рассмотрении и интерпретации результатов, полученных в данном исследовании, следует учитывать ряд ограничений.

Ограничения, обусловленные спецификой данных

База данных РМЭЗ НИУ ВШЭ имеет ограничения, которые затрудняют интерпретацию полученных результатов. В частности, отсутствует возможность анализа пенсий и пособий на детей по видам этих выплат. Другое ограничение связано с большим количеством пропущенных значений для переменных, отражающих получение частных трансфертов, что делает невозможным анализ с выделением более узких групп (например, в разрезе социальных трансфертов по типам).

Важнейшим условием возможности передачи или получения частных трансфертов является наличие родственников, проживающих отдельно от респондента. Однако в базе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ отсутствуют вопросы о наличии и числе таких родственников, что снижает интерпретационную силу полученных результатов.

До 2010 г. переменная «получение денег в долг» строилась на основе следующего вопроса анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ: «В течение последних 30 дней Ваша семья брала деньги в кредит, в долг?». С 2015 г., когда вопросы стали формулироваться отдельно для кредитов и денег, взятых в долг, переменная «получение денег в долг» объединяла в себе эти два вопроса. Чтобы соблюсти единую логику исследования, виды задолженности с 2015 г. не разделялись, так как до этого учесть разные виды задолженности не представлялось возможным. Однако рассмотрение этих компонент в отдельности может уточнить полученную картину.

Ограничения, обусловленные дизайном исследования

Интерпретировать результаты, полученные в данном исследовании, следует с учетом того, какие компоненты были включены в состав социальных трансфертов.

Благодарность

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Список литературы

- Барсукова С.Ю. (2005) Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования // Социологические исследования: (8): 34–45. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-8/barsukova_nets.pdf
- Градосельская Г.В. (1999) Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал: (1/2): 156–63. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/596/551>
- Денисенко М.Б. (2001) Роль государства и семьи в экономической поддержке пожилых людей в России // Население и доход / Под ред. А.А. Саградова. М.: Диалог.
- Денисенко М.Б., Козлов В.А. (2019) Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение: 5 (4): 6–35. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8661>
- Калабихина И.Е., Шайкенова Ж.К. (2019) Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // Демографическое обозрение: 5 (4): 36–65. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8662>
- Каравай А.В., Тихонов А.А. (2015) Особенности финансовых установок и поведения российских рабочих // Terra Economicus 13 (1): 89–106.
- Лылова О.В. (2002) Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования: (2): 83–6. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-02/Lylova.pdf>
- Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. (2000) Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения: 4 (48): 23–31. URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/172/930/1219/05ovcharova-23-31.pdf>
- Семейное благосостояние и здоровье: проект «Таганрог-три с половиной» (1997) / отв. ред. Н.М. Римашевская; Российская академия наук, Институт социально-экономических проблем народонаселения. М.: Фирма Инограф.
- Фадеева О. (1999) Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос. С. 183–218.
- Штейнберг И. (2003) Сетевые ресурсы в реальной практике стратегий выживания сельской местности // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования / Под ред. И. Олимпиевой, О. Паченкова. СПб.: ЦНСИ. С. 100–108.
- Albertini M., Kohli M. (2012) The generational contract in the family: An analysis of transfer regimes in Europe // European sociological review: 29 (4): 828–40. <https://doi.org/10.1093/esr/jcs061>
- Albertini M., Kohli M., Vogel C. (2007) Intergenerational transfers of time and money in European families: common patterns – different regimes? // Journal of European social policy: 17 (4): 319–34. <https://doi.org/10.1177/0958928707081068>
- Attias-Donfut C., Ogg J., Wolff F. C. (2005) European patterns of intergenerational financial and time transfers // European journal of Ageing: 2 (3): 161–73. <https://doi.org/10.1007/s10433-005-0008-7>
- Björnberg U., Latta M. (2007) The roles of the family and the welfare state: the relationship between public and private financial support in Sweden // Current sociology: 55 (3): 415–45. <https://doi.org/10.1177/0011392107076083>
- Brandt M., Deindl C. (2013) Intergenerational transfers to adult children in Europe: Do social policies matter? // Journal of Marriage and Family: 75 (1): 235–51. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2012.01028.x>
- Brandt M., Haberkern K., Szydlik M. (2009) Intergenerational help and care in Europe // European Sociological Review: 25 (5): 585–601. <https://doi.org/10.1093/esr/jcn076>
- Cordes J. J., Goldfarb R. S., Watson H. S. (1986) The relative efficiency of private and public transfers // Public Choice: 49 (1): 29–45. <https://doi.org/10.1007/BF00163529>
- Cox D., Jimenez E. (1990) Achieving social objectives through private transfers: a review // The World Bank Research Observer: 5 (2): 205–18. <https://doi.org/10.1093/wbro/5.2.205>

- Cox D., Rank M. R. (1992) Inter-vivos transfers and intergenerational exchange // *The review of economics and statistics*: 74 (2): 305–14. <https://doi.org/10.2307/2109662>
- Emery T. (2016) Public and private financial assistance in Europe // *European Societies*: 18 (1): 25–46. <https://doi.org/10.1080/14616696.2016.1139157>
- Jensen R. T. (2004) Do private transfers ‘displace’ the benefits of public transfers? Evidence from South Africa // *Journal of Public Economics*: 88 (1-2): 89–112. [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(02\)00085-3](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(02)00085-3)
- Kohli M. (1999) Private and public transfers between generations: Linking the family and the state // *European Societies*: 1: 102–22. <https://doi.org/10.1080/14616696.1999.10749926>
- Künemund H., Rein M. (1999) There is more to receiving than needing: theoretical arguments and empirical explorations of crowding in and crowding out // *Ageing & Society*: 19 (1): 93–121. <https://doi.org/10.1017/S0144686X99007205>
- LaFerrere A., Wolff F. (2006) Microeconomic Models of Family Transfers. In: Kolm S.C., Mecier-Ytier J. (Eds) *Handbook on the Economic on Giving, Reciprocity and Altruism*. Elsevier, NorthHolland, 889–969.
- Maitra P., Ray R. (2003) The effect of transfers on household expenditure patterns and poverty in South Africa // *Journal of development Economics*: 71 (1): 23–49. [https://doi.org/10.1016/S0304-3878\(02\)00132-3](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(02)00132-3)
- Morel N., Palier B., Palme J. (2012) *Towards a Social Investment Welfare State?: Ideas, Policies and Challenges*. Policy Press, Bristol. <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qgqfg>
- Mudzazija S. (2016) Public transfers and the balance of intergenerational family support in Europe // *European Societies*: 18 (4): 336–58. <https://doi.org/10.1080/14616696.2016.1207792>
- Niimi Y., Horioka C. Y. (2018) The impact of intergenerational transfers on wealth inequality in Japan and the United States // *The World Economy*: 41 (8): 2042–66. <https://doi.org/10.1111/twec.12544>
- Pilkaskas N., Garfinkel I. (2016) Public and private transfers. In: Garfinkel I., McLanahan S. (Eds) *Children of the Great Recession*. Russell Sage Foundation Press, New York, 58–85.
- Reil-Held A. (2006) Crowding out or crowding in? Public and private transfers in Germany // *European Journal of Population*: 22 (3): 263–80. <https://doi.org/10.1007/s10680-006-9001-x>
- Rempel H., Lobdell R. A. (1978) The role of urban-to-rural remittances in rural development // *The Journal of Development Studies*: 14 (3): 324–41. <https://doi.org/10.1080/00220387808421678>
- Silverstein M., Bengtson V. L. (1997) Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families // *American journal of Sociology*: 103 (2): 429–60. URL: https://www.jstor.org/stable/10.1086/231213?seq=1#metadata_info_tab_contents
- Szydlik M. (2008) Intergenerational solidarity and conflict // *Journal of Comparative Family Studies* 39 (1): 97–114. <https://doi.org/10.3138/jcfs.39.1.97>
- Villanueva E. (2005) Inter vivos transfers and bequests in three OECD countries // *Economic policy* 20 (43): 506–65. URL: <http://www.jstor.org/stable/3601021>

Сведения об авторах

- Анна Алексеевна Миронова — к.с.н., научный сотрудник Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва. E-mail: amironova@hse.ru
- Лидия Анатольевна Шеншина — магистр социологии, старший эксперт «Эрнст энд Янг» (СНГ) Б.В., филиал в г. Москве, Россия, Москва. E-mail: shenshinalidia@mail.ru